

Наум Ефимович Застенкер

АНРИ де СЕН-СИМОН

В сб. «ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»

М.: изд-во Академии Наук СССР. 1962. С.208-227

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Тематические материалы о Сен-Симоне и его последователях
можно скачать здесь:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#st-sim>

Вокруг имени и идей Сен-Симона и в середине XX в. не утихла еще борьба оценок и толкований, начало которой положено было в прошлом веке. Можно заметить даже, что ожесточенность споров о нем и тенденции к модернизации его идей усиливаются. Новейшая большая монография о Сен-Симоне, принадлежащая перу американского историка Фрэнка Мэнюэла¹, начинается следующими словами: «Чтение Сен-Симона сегодня похоже в некотором отношении на чтение Руссо. Из его выпретенных тирад так много освоено было сочинителями лозунгов современных политических идеологий, что почти невозможно мысленно постигнуть их истинное содержание без того, чтобы при этом не слышать обертонов их последующего использования. Выхватывая отдельные места из самых разнообразных сочинений Сен-Симона, можно сделать его и ранним представителем фашизма, и ранним представителем социализма, или представителем демократического планирования, теоретиком финансового капитализма, технократом или же иным каким-либо утопистом, защищающим управление обществом интеллектуальной элитой. На Сен-Симона, подобно его современнику Гегелю, предъявляют свои права и правый, и левый лагеря, оба они претендуют на то, чтобы считать его своим почитаемым предком»².

Проф. Мэнюэл полагает, что самым выразительным отображением таких диаметрально противоположных толкований Сен-Симона может служить следующая параллель: с одной стороны, издание сочинений Сен-Симона финансировали банкиры Перейры, финансовые столпы Второй империи, и их потомок даже ассигновал специальные суммы на уход за могилой мыслителя на кладбище Пер-Лашез; с другой стороны, «на обелиске в Москве

* Доклад, прочитанный на объединенном заседании группы по изучению истории социалистических идей и группы по изучению истории Франции 27 декабря 1960 г., посвященном 200-летию со дня рождения А. Сен-Симона.

¹ Frank E. Manuel. The new world of Henri Saint-Simon. Cambridge (Mass.), 1956.

² Ibid., p. 1.

имя Сен-Симона начертано среди имен отцов коммунистической революции»³.

Ставя все это на одну доску и отказываясь делать различия между реакционными искажениями воззрений Сен-Симона и их правильной оценкой, проф. Мэнюэл обнаруживает лишь неспособность исторически определить подлинное место, принадлежащее Сен-Симону в развитии передовой общественной мысли.

Увековечение имени Сен-Симона на московском обелиске означает признание, что с этим именем связано начало нового важнейшего этапа в развитии социализма от утопии к науке и в развитии общественной науки вообще.

Утопический социализм XVI, XVII и XVIII вв. — как в форме романов и описаний путешествий, так и в форме коммунистических теорий общества — еще не имел собственной теоретической оснастки и опирался на передовые буржуазные философские и социальные учения своего времени. По сути дела этот утопический социализм и коммунизм делал лишь иные, чем буржуазные идеологи, более или менее последовательные радикальные выводы из буржуазных же теорий — из гуманистического мировоззрения, из естественноправовой теории, из просветительной философии и общественных учений революционной буржуазии XVIII в. И только к концу этого периода, пройдя через горнило великой буржуазной революции во Франции, социалистическая мысль вместе с Бабефом сделала первый шаг на пути создания собственного теоретического оружия. Шаг этот в теоретическом отношении был еще очень невелик. Хотя Бабеф и увидел в французской революции не что иное, как последний акт исторической эпопеи борьбы патрициев и плебеев, т. е. классовую борьбу, но и он не мог ни объяснить исторических оснований этой новой фазы борьбы, ни оторваться от рационалистической естественноправовой теории. К тому же это развитие социалистической мысли было быстро прервано трагическим исходом «Заговора равных».

Чтобы измерить и оценить историческое значение критико-утопического учения Сен-Симона, необходимо учесть еще следующее: все коммунистические утопии и теории XVI—XVIII вв. пытались построить свой идеал бесклассового общества на базе производительных сил ремесленного и мануфактурного производства и застойной техники патриархального сельского хозяйства. Понятна прямая связь между этими ограниченными представлениями о социализме и коммунистическом обществе и уравнительными принципами в области распределения, как понятна и связь между примитивной, низкой техникой и подавляющим потребностями индивидуальной личности аскетическим бытом, как он рисовался социалистами-утопистами до XIX в. Даже Бабеф не составлял здесь исключения. Его идеалом было еще ремесленное и аграрное коммунистическое общество, и этот

³ Ibidem.

пример, пожалуй, лучше всего показывает нам, как идеология предпролетариата и соответствующие ей утопические построения не могли вырваться из тупика, поскольку они черпали свое теоретическое оружие в антиисторических концепциях, согласно которым под прогрессом следует понимать лишь развитие философских и социальных воззрений, но не экономическое развитие общества.

Всего 5—6 лет отделяют начало литературной деятельности Сен-Симона от гибели вдохновителя и организатора «Заговора равных», но эти несколько лет переносят нас в совсем иную, качественно отличную историческую эпоху. Коммунистическая теория Бабефа являлась конечным результатом развития идеи нового общественного порядка, воплощающего подлинное равенство людей, в тот бурный революционный период, когда и теория «естественного права» приняла революционный характер. Бабувистские воззрения порождены были периодом непосредственного идейного и политического творчества эксплуатируемых масс предпролетариата. В другие времена начиналась литературная творческая деятельность Сен-Симона: революцию уже сменила политическая реакция и контрреволюция. В такие периоды, замечал Ленин, массы, «по-видимому, спят»⁴, задвленные каторжной работой и нуждой. Но одновременно быстро революционизировался капиталистический способ производства, развивались крупная промышленность и торговля, перестраивалось на капиталистический лад сельское хозяйство. В этот период политической реакции настала очередь размышлениям, оценкам, выводам; общественная мысль и передовых, и реакционных классов как бы подводила итоги пройденного пути, вникала в его смысл и уроки, разрабатывала новые взгляды и теории.

Французская революция и последующие крутые повороты колеса истории неизбежно выдвигали в центр всеобщего внимания проблему исторического развития и направляли стремление и усилия постигнуть его ход. На глазах одного поколения революция огромного размаха сменялась контрреволюцией, революционные войны сменялись завоевательными, антицерковная политика — новым союзом с церковью, старое дворянство — новым. Возникали и рушились троны, мгновенно менялись судьбы государств, дети лавочников становились полководцами, парикмахеры — королями, стремительно реализовывалась и не менее стремительно рушилась безумная наполеоновская идея мирового государства. И, как указывал Ленин, эти «бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе, и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, *борьбу классов*»⁵.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 230.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 7.

С какой же стороны шли тогдашние попытки осмыслить столь богатые уроки истории? Пролетариат, новый передовой класс нового капиталистического общества, был еще слишком незрел, чтобы подняться на уровень сознательного и тем более философского рассмотрения исторического опыта прошедших десятилетий. После крушения бабувистского заговора пролетариат осмысливал этот опыт наощупь, накапливая гнев и возмущение своим новым, капиталистическим рабством. Развитие сознания пролетариата проявлялось в росте его стихийного отпора эксплуататорам, выражавшегося в разрушении машин, в рабочих волнениях и стачках, которыми изобилвала хроника Наполеоновской империи и Реставрации, и в создании под прикрытием компаньонажей и иных обществ взаимопомощи зачатков классовых рабочих организаций сопротивления.

Зато активнейшее осмысление богатых уроков истории принимали идеологи господствующих классов, и в первую очередь представители дворянско-клерикальной идеологической реакции. Проповедники обскурантизма, критикуя рационалистическую философию XVIII в., доказывали, что не разум человека и не человеческая воля образуют политические порядки и строй общества: историю вершит божественный промысел, и дело человека слепо повиноваться исторически установленным институтам, монархиям божьей милостью, сословным различиям и классовому неравенству, руководству религии и церкви. Вместе с тем у дворянской идеологической реакции в ее критике просветительной философии содержались и некоторые рациональные зерна в подходе к выяснению закономерностей исторического процесса. Провозглашая «органический» характер общественных институтов и подчеркивая значение исторических традиций, она приковывала внимание к историческому прошлому и к историческому опыту вообще. Еще важнее было то, что, опровергая рационалистический метод познания и оценки общественных явлений, идеологическая реакция наводила на мысль о том, что все общественные формы и установления носят преходящий характер. Поднимая множество социальных и исторических вопросов, идеологи дворянской реакции заставляли своих противников всматриваться в строение общества и обращать внимание на те его стороны, которые ранее игнорировались или же решительно недооценивались. Еще прежде, чем буржуазные историки в борьбе с дворянской реакцией развили свое понимание французской истории как истории борьбы третьего сословия против дворянства и разработали в этой связи буржуазно-апологетическую теорию классов и классовой борьбы в истории, передовая буржуазная общественная мысль начала проникаться «экономизмом» и вводить в сферу своего изучения экономические отношения и процессы хозяйственного развития в обществе, как заслуживающие предпочтительного внимания перед историей

смены царствований и правительств. Правда, такой поворот к «экономизму» обозначился, естественно, в первую очередь в Англии, где связь этого направления буржуазной социальной науки с промышленным переворотом и развитием промышленного капитализма была всего очевиднее и прямее. Здесь достаточно упомянуть о «Шотландской исторической школе» А. Смита, А. Фергюсона, В. Робертсона и Джона Миллара, в многочисленных исследованиях которой превалировали описания форм хозяйственной жизни и собственности и анализ их влияния на право, законодательство и правительство. Можно напомнить также замечание Маркса о том, что английские экономисты-классики не только «изложили экономическую анатомию классов» капиталистического общества, но были и *историками буржуазного общества*.

Во Франции подобный поворот к «экономизму» по понятным причинам развивался менее заметно, так как промышленный переворот там обозначился лишь с начала XIX в. Но и во Франции поворот этот уже предвещался, например, известной концепцией Барнава о французской революции и предшествующими ей мыслями французских просветителей о большой роли хозяйственных явлений и форм собственности в истории.

В начале XIX в. буржуазные историки, публицисты и философы стали все чаще спускаться с поверхности политических форм в недра социальной жизни. Ленин отмечал, что в учении этих философов и историков, несмотря на их довольно реакционные политические взгляды, на резкий антидемократизм, монархизм и боязнь народных масс, «были глубокие мысли относительно законосообразности и борьбы классов в смене политических событий...»⁶.

Но были более передовые умы, которые шли в своих размышлениях об историческом опыте гораздо дальше идеологов буржуазии и дворянской реакции. Отражая в своих мыслях смутный протест угнетенных трудящихся масс против расцветающего нового капиталистического строя эксплуатации, они становились рупором смутных устремлений этих масс к более справедливому и более разумному общественному строю. Ф. Энгельс писал, что когда французская революция воплотила в действительность общество и государство, основанные на разуме буржуазии, то государство разума «потерпело полное крушение», а установленные «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало еще только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились на рубеже нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось

первое произведение Фурье⁷. Сен-Симон и Фурье не были выходцами из пролетариата: они происходили из дворянской и буржуазной среды и принадлежали к обедневшей интеллигенции, познакомившейся на личном опыте с пороками нового общественного строя. Однако воздействие пролетариата на Сен-Симона и Фурье было, как правильно заметил Жорес, гораздо сильнее, чем обычно думают. «Если бы пролетариат не возвысился бы над уровнем рабства, если бы он не принял участия в революции, если бы он не внушил всем новые, высокие идеи, то строители нового порядка не призывали бы его к себе. Страстный размах пролетариата окрылил мысль, и ни Фурье, ни Сен-Симон не смогли бы судить о буржуазном обществе, если бы их не охватили лихорадочные стремления, порожденные революцией»⁸. В особенности следует напомнить эту связь с французской революцией и с выступлениями пролетарских низов во время революции, говоря о Сен-Симоне, идеи которого поверхностному взгляду представляются совершенно чуждыми устремлениям и целям тогдашнего пролетариата. Между тем ни исторические воззрения Сен-Симона, ни его общественный идеал «промышленной системы» не были бы возможны вне этой связи. Не забудем, что Сен-Симон был человеком того же поколения, что Робеспьер и Бабеф, он также был «сыном французской революции»⁹. В нем многое счастливо соединилось воедино: превосходное образование в духе передовых идей его времени, пылкий и глубокий универсальный ум, богатая содержанием и наблюдениями жизнь, сделавшая его свидетелем и участником необычайно широкого круга событий: американской революции и войны за независимость, великой буржуазной революции во Франции, революционных бурь в Европе в конце XVIII и начале XIX в., кричащих контрастов буржуазной империи Наполеона и дворянской монархии Бурбонов и еще больших контрастов начавшегося промышленного переворота. Маркс считал одним из важнейших периодов жизни Сен-Симона период его естественно-научных занятий и путешествий, объясняющий то громадное влияние, которое оказывало на социальные идеи Сен-Симона его стремление к созданию новой монистической науки, охватывающей природу и «физиологию человечества».

Буржуазная историография давно занялась сближением идей Сен-Симона с идеями философов дворянской идеологической реакции начала XIX в. Но при всех имеющихся здесь точках соприкосновения нельзя забывать о коренном отличии: воззрений Сен-Симона от идей Де-Местра, Шатобриана, Бональда и др. Теоретики и идеологи дворянской реакции, как впоследствии и

⁷ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1948, стр. 36—37.

⁸ Ж. Жорес. Новая армия. 1919, стр. 263—264.

⁹ Ф. Энгельс. Развитие социализма..., стр. 39.

реакционные романтики, отвергали «естественное право» как нечто неорганическое; они требовали изучения общественных установлений как продукта органического развития.

Но идеологи дворянской реакции подчеркивали роль прошлого, чтобы поставить перед настоящим задачу вернуться в прошлое.

Сен-Симон также подчеркивал роль прошлого, но для того, чтобы ускорить наступление будущего, чтобы смотреть вперед и идти вперед. Его мировоззрение отличалось действенностью, а не созерцательностью. Сен-Симон смотрел на Францию не как на поле окончившегося социального сражения, а как на строительную площадку человечества, где ничто еще не завершено, где можно еще успеть забракковать негодное сооружение вместе с его архитекторами и переделать самый фундамент общественного здания.

Сен-Симон неутомимо критиковал это сооружение французской революции — общество, в котором бедность и страдания трудящихся масс делались необходимым условием его существования, вновь оживали пороки дворянской и военной касты и расцветали новые пороки буржуазии, прибавляя к прежним паразитам новые паразитические слои, сидящие на шее трудящихся масс.

Он искал выхода из этих противоречий утверждавшего себя капиталистического общества, где все казалось ему непрочным и неустойчивым, где все грозило возобновлением революционного землетрясения и новыми катастрофами, порождаемыми слепой яростью эксплуатируемых бедняков и слепым тупоумием правящих верхов. Придя к выводу, что революция не достигла цели, что она не построила нового общества, Сен-Симон провозглашал: «Люди должны иметь общество, наиболее выгодное для наибольшей массы. Его цель — наиболее быстрое и полное улучшение морального и физического положения наиболее бедного класса общества». Мысль о том, что назначением общества является максимальное благо наибольшего числа людей, мы встретим и у Дидро, и у Руссо, и у Кондорсе. И хотя идея закономерности общественного развития у Сен-Симона по видимости радикальнейшим образом рвала с рационализмом XVIII в., в действительности кое-какая связь здесь осталась. Разумное становилось исторической категорией, но по-прежнему оставалось демиургом истории, поскольку умственный прогресс и прогресс нравственного просвещения людей по-прежнему определяли исторический процесс, несмотря на то, что в передаточном механизме огромную роль стали играть экономические факторы. Следует об этом напомнить, так как буржуазные толкователи Сен-Симона все еще пытаются оспаривать идеалистический характер системы исторических воззрений великого утописта. Так, известный французский социолог Жорж Гурвич по этому пункту полемизирует

с В. П. Волгиным, чей превосходный анализ философско-исторической концепции Сен-Симона так убедительно показал в общем идеалистический ее характер¹⁰.

В исторических взглядах Сен-Симона содержалось зерно понимания диалектических черт развития общества; смена эволюционных и революционных периодов этого развития осмысливалась в его концепции как смена созидательных и разрушительных периодов или, как потом принято было говорить у сен-симонистов, «органических» и «критических» эпох.

Особенно важное значение имела созданная Сен-Симоном концепция поступательного движения человечества к лучшему обществу — обществу будущего. Признавая вместе с Кондорсе показателем прогресса благосостояние и счастье массы людей, составляющих большинство общества, Сен-Симон сделал этот показатель производным от главного, по его мнению, критерия прогресса — от прогресса наук и морали как основы основ общественных отношений и связей. Вместе с тем он отвел огромную роль в истории экономической деятельности людей, производству и формам собственности, а также классам, которые олицетворяют определенные формы собственности.

Вот почему Сен-Симон первым увидел действительную основу нового общества в промышленном производстве, как главном источнике богатства и изобилия для тружеников. Черты этой «промышленной системы» Сен-Симона достаточно хорошо известны, чтобы излагать их здесь. Но нельзя пройти мимо споров вокруг «промышленной системы» Сен-Симона, желания истолковать ее как апологику промышленного капитализма, как проповедь классового господства ученых, инженеров, промышленных и финансовых организаторов над пролетариатом.

Забывая о конкретных исторических условиях начала XIX в. во Франции, объявляют без дальнейших оценок восхваление Сен-Симоном индустриалов-промышленников и подчеркивание их особой роли в поступательном развитии общества и в достижении благосостояния народных масс отстаиванием и выражением классовых интересов буржуазии. В действительности все это имело тогда другой, непривычный для нас смысл, и его нельзя упускать из виду при оценке соответствующих идей Сен-Симона. Главная мысль его состояла в том, что путь к избавлению трудящихся и пролетариев от бедствий нищеты лежит через громадный рост общественного богатства, который может быть достигнут лишь в результате расцвета промышленного и сельскохозяйственного производства. Для Сен-Симона на пер-

¹⁰ См. G. Gurvitch. Les fondateurs français de la sociologie contemporaine, I. Paris. Centre de Documentation Universitaire, 1955, p. 31. Автор полемизирует с точкой зрения, изложенной В. П. Волгиным в «Очерках по истории социализма» (М.—Л., 1935) и в книге: Сен-Симон. Избранные сочинения, т. I. М., 1948.

вом плане стояли интересы не промышленной буржуазии, а массы трудящихся бедняков. Но поскольку он был убежден в том, что нет иного пути к улучшению их участи, кроме подъема промышленности и научно организованного производства, он должен был определить, какие же наличные общественные силы могут организовать этот подъем, кто именно может возглавить и обеспечить его, какие слои общества сумеют применить к промышленности и сельскому хозяйству научные принципы нового времени.

Достаточно вдуматься в самые условия этой задачи, чтобы понять, как и чем вызывалось то решение, какое предлагал Сен-Симон: промышленный переворот во Франции только-только начинался; капиталистическая промышленность делала еще начальные шаги; индустриальный пролетариат был только «классом в себе» и отвечал на развитие капиталистической промышленности стихийным протестом разрушителей машин, демонстрируя неспособность помочь самому себе.

Неизбежность этого ответа подтверждалась тем, что в начале XIX в. подобный же ответ давался в Англии, где промышленный переворот шагнул во вторую половину своего маршрута и где социальные отношения промышленного капитализма достигли значительно большей зрелости, чем во Франции. Маркс проводил в этом вопросе поучительную параллель между произведениями Сен-Симона и В. Коббета, поскольку оба они считали антагонизм между «работниками» и «бездельниками», между паразитической верхушкой рантье и трудящейся массой народа и буржуазии главным и оба выдвигали его на передний план. Такое выдвигание было естественным «в самом начале пролетарского движения, когда пролетариат имел еще общие интересы с промышленной и мелкой буржуазией»¹¹.

Более того, Маркс впоследствии определенно подчеркивал, что в начале XIX в. было правильным видеть в промышленном капитализме единственный наличный рычаг для быстреего подъема и роста общественного богатства. Исходя из этого, Маркс писал о Рикардо, что для своей эпохи тот был «вполне прав», когда рассматривал капиталистический способ производства «как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства»¹². Вовсе не эта, неизбежная в тех условиях точка зрения раскрывала классовую физиономию идеолога и защитника интересов буржуазии. Она сказывалась в специфическом взгляде на капиталистический способ роста общественного богатства. Для Рикардо, как и для Сэя и других апологетов промышленного капитализма, характерна была пози-

ция «производства для производства»; для них были скрыты не только глубочайшие противоречия этого способа производства, но и вызванные им страдания трудящихся масс, и им было поэтому «совершенно безразлично, поражает ли на смерть дальнейшее развитие производительных сил земельную собственность или рабочих»¹³.

Однако для Сен-Симона требование всемерного развития производительных сил общества как основной принцип «промышленной системы» имело совсем другой смысл. У Сен-Симона на первом плане неизменно и всегда стояли интересы людей, интересы трудящихся народных масс, которые при дальнейшем развитии его взглядов все более определенно очерчивались и прямо формулировались как интересы обездоленных масс пролетариата. Если точка зрения Сен-Симона во многом соответствовала интересам промышленной буржуазии, то потому, что ее интересы тогда совпадали с интересами развития производительных сил общества, с интересами самого промышленного производства. И лишь в той мере, в какой эти интересы совпадали, Сен-Симон выступал в ее пользу. Там же, где интересы буржуазии вступали в противоречие с требованием мощного развития общественных производительных сил, Сен-Симон выступал против буржуазных эгоистических интересов и, не колеблясь, подчинял их нуждам общества.

Это утверждение может показаться крайне спорным, так как в текстах произведений Сен-Симона мы не найдем примеров прямых выступлений его против промышленной буржуазии. Наоборот, мы встретим в изобилии доказательства тождества ее интересов с интересами общества и пролетариата. Разумеется, мы не собираемся отрицать наличия в системе Сен-Симона того, что Энгельс назвал ее «буржуазным направлением», а именно: выдвигание крупных предпринимателей на роль вождей и освободителей общества от архаического господства феодальной и военной касты, сохранение в «промышленной системе» частной собственности на средства производства и предпринимательской прибыли, вручение руководства экономикой и обществом «промышленной системы» наряду с учеными и техниками промышленникам и банкирам. Конечно, все это так. Но это не может оправдать упрощенного вывода, сделанного, например, известным историком марксизма О. Корню, который сводит суть дела лишь к тому, что «Сен-Симон хотел улучшить буржуазное общество посредством рациональной организации производства»¹⁴.

На самом деле Сен-Симон решительно отличался от апологетов капитализма. Современное общество, писал Сен-Симон,

¹¹ К. Маркс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 467.

¹² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II. М., 1957, стр. 110.

¹³ Там же.

¹⁴ О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность, т. I. М., 1959, стр. 53.

«являет собой воистину картину мира, перевернутого вверх ногами», где «менее обеспеченные ежедневно лишают себя части необходимых им средств для того, чтобы увеличить излишек крупных собственников», где «величайшие преступники, всеобщие воры, грабящие ежегодно у совокупности граждан триста или четыреста миллионов в год, выжимающие из них соки, облечены властью наказывать мелкие преступления против общества, ибо невежество, суеверие, леность и страсть к разорительным удовольствиям составляют удел главарей общества, а способные, экономные и трудолюбивые употребляются лишь в качестве орудий и подчинены им»¹⁵. Существующей капиталистической действительности он не только не оправдывал, но постоянно противопоставлял ей подлежащий осуществлению социальный идеал.

Постараемся вникнуть в объективный смысл тех радикальных поправок, какие вносил Сен-Симон в капиталистическую эксплуатацию труда, чтобы, даже сохраняя ее, обеспечить всеобщее благоденствие народа. В чем состояло объективное значение этих «поправок», исходивших из задачи создания научно-организованного производства и в ходе идейного развития Сен-Симона в конце концов вылившихся в грандиозную и смелую реформаторскую программу искоренения паразитизма господствующих классов, введения обязательного для всех членов общества производительного труда, создания равных для всех возможностей применить свои способности, создания планового промышленного и сельскохозяйственного производства, сполна удовлетворяющего все потребности общества, превращения государственной власти в орудие организации производства и управления вещами, а не людьми, наконец, в постепенное утверждение всемирной ассоциации народов и всеобщего мира при стирании национальных границ? Чем же была по классовому содержанию эта утопия, которая, правда, сохраняла командующее и экономическое привилегированное положение промышленных предпринимателей по отношению к рабочим, но какой ценой?!

Той ценой, что эти буржуа, по выражению Ф. Энгельса, «должны были стать чем-то вроде общественных чиновников, доверенных лиц всего общества»¹⁶, и последнее получит право судить руководителей промышленности — предпринимателей и банкиров — по их способностям служить обществу — и только по этим способностям!

Но, может быть, это было лишь новое, идеализированное царство буржуазии, наподобие царства разума, какое возвещалось буржуазными идеологами-просветителями XVIII в.?

¹⁵ Сен-Симон. Избранные сочинения, т. I. М.—Л., 1948, стр. 433—434.

¹⁶ Ф. Энгельс. Развитие социализма..., стр. 40.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить прежде всего, что царство буржуазии, провозглашавшееся просветителями XVIII в., хотя и идеализировалось, строилось, однако, на таких принципах, которые очень верно выражали классовые требования буржуазии того времени. Предреволюционная буржуазия XVIII в. действительно требовала политической и экономической свободы, гражданского равенства, уничтожения абсолютизма, требовала власти для себя. Именно эти подлинные требования подлинной буржуазии переводились на язык вечных принципов разума и справедливости ее идеологами, сколь бы возвышенными и бескорыстными ни были их построения. Если мы хотим сохранить такой исторический, единственно научный подход к понятиям «выразитель интересов», «защитник интересов» и «представитель интересов» определенного класса, то мы должны спросить себя, найдем ли мы между утопической программой «промышленной системы Сен-Симона» и подлинными взглядами и стремлениями буржуазии его времени соответствие, сколько-нибудь похожее на то, какое существовало в XVIII в. между идеализированным царством разума просветителей и взглядами самой буржуазии того времени?

Нет, мы не найдем этого соответствия! Интересы и воззрения промышленной буржуазии в первые десятилетия XIX в. и во Франции, и в Англии — возьмем ли мы экономические требования или политическую программу ее партий, рассмотрим ли мы ее политическую экономию или философские учения во всех разновидностях классических и эклектических школ — отчетливее всего выражались принципами либерализма в различных его оттенках, от крайне умеренного до радикального. Идеологическое кредо тогдашней промышленной буржуазии составляли, прежде всего, неограниченная свобода промышленного предпринимательства и *laissez faire* в области взаимоотношений труда и капитала. А когда ученые — истолкователи интересов буржуазии стремились представить эти требования как всеобщие интересы, они доказывали, что всеобщая гармония и всеобщее благополучие народа явятся следствием свободной конкуренции, результатом торжества фритредерских принципов. Особенностью исторической эпохи, когда социалистические идеи еще боролись за свое существование, было то, что против социализма «стояла верящая в свои силы буржуазия, смело и последовательно защищавшая либерализм как цельную систему экономических и политических воззрений»¹⁷.

Если мы добавим к этому наблюдению Ленина, что промышленная буржуазия в рассматриваемую пору была первой носителем националистических идей великодержавности и что

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 199.

путь ее к власти был отмечен бесчисленными войнами и агрессией в международных отношениях, то станет еще более очевидным отсутствие каких-либо исторических оснований видеть в социальной утопии Сен-Симона новое идеализированное царство буржуазии. Наоборот, важнейшие пункты этой реформаторской программы Сен-Симона были в сущности направлены против классового эгоизма буржуазии, они выдвигались против ее интересов во всех тех случаях, когда буржуазия выходила за рамки той роли, какую отводил ей Сен-Симон: за хорошую мзду приблуды вывести из бедственного состояния нищеты беднейшие классы общества. В сущности к этому и сводилась роль буржуазии в «промышленной системе» Сен-Симона. В центре этой системы стояли не эгоистические вождения буржуазии, а интересы пролетариата, который страдает, но который бессилён и неспособен помочь сам себе, которому может быть оказана помощь лишь извне и сверху, учеными и промышленниками.

Конечно, между «буржуазным направлением», сохранявшим известное значение в идеях Сен-Симона, и нараставшим «пролетарским направлением» его мыслей был неизбежен внутренний конфликт. Ощущение этого усиливавшегося конфликта сыграло важную роль в идейном развитии великого утописта в течение последних лет его жизни. В сочинениях его и мыслях все большее место занимают нужды пролетариата, все громче в них звучит сочувствие бедственному положению работников, все отчетливее выдвигается на передний план задача улучшения участи «самого бедного и самого многочисленного класса общества».

Признавая этот бесспорный факт, профессор Мэнюэл доходит даже до утверждения, что отношение Сен-Симона к французскому пролетариату с 1820 г. претерпело «полную метаморфозу» и «доминирующим мотивом его сочинений стал гуманизм рабочего класса» (*Working class humanitarianism*)¹⁸. С этим, конечно, нельзя согласиться ни в том пункте, что здесь произошла полная метаморфоза идей Сен-Симона, ни в том, что великий утопист стал к концу жизни идеологом пролетариата, выразителем его идей и интересов.

Сен-Симон и на этой заключительной стадии не выступал как представитель интересов пролетариата. Дело обстояло иначе и сложнее. Подлинное соотношение между развивающимся рабочим движением и утопией Сен-Симона уместается в краткой формуле «Коммунистического манифеста» о том, что идеи критико-утопического социализма возникали «из первого исполненного предчувствия порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»¹⁹.

Как совершенно правильно отметил В. П. Волгин, отражение настроений и взглядов тогдашнего пролетариата в идеях Сен-Симона было лишь косвенным и извращенным²⁰. Тем не менее нити, которые связывали французский пролетариат и его борьбу с идеями Сен-Симона, становились более многочисленными, более крепкими. Нарастание этих связей объяснит нам странную на первый взгляд эволюцию воззрений Сен-Симона в последний период его жизни: перемену оценок исторических потенций пролетариата в деле переустройства общества на началах научного индустриализма и в то же время интенсивное развитие религиозно-мистической стороны учения Сен-Симона. В первом вопросе показательным будет сопоставление известных всем обвинений в адрес пролетариев в «Письмах женева обитателя» (1802), где Сен-Симон упрекал людей, «не имеющих собственности», в том, что их кратковременное господство во Франции во времена Конвента вызвало голод, тяжесть которого перенесли на себе почти целиком сами пролетарии, явившиеся «главными жертвами собственного варварского невежества», с отрывками из сочинения Сен-Симона «Об общественной организации», посвященных натянутому доказательству того, что французские пролетарии оказались во время революции способными хорошо управлять собственностью и что они достигли таких же успехов в основах цивилизации, что и собственники, вследствие чего закон должен признать их полноправными членами общества²¹.

Подобного рода исторические выкладки, иногда весьма слабо аргументированные, понадобились Сен-Симону для того, чтобы сделать такой вывод: «Во Франции без всяких неудобств для общественного спокойствия, а наоборот, с громадными преимуществами для всех классов общества, может быть установлен общественный строй, имеющий своей непосредственной целью всеобщее дело»²². Сен-Симон продолжал и теперь делать акцент на «общественном спокойствии», на «интересах всех классов общества»; он усердно доказывал «превосходство» французских пролетариев над пролетариями других наций «как в отношении добрых чувств, так и в отношении твердости познаний», он уверял даже, что «если сравнить французских пролетариев с английскими, то окажется, что последние одушевлены чувствами, толкающими их к тому, чтобы использовать первый представившийся повод, чтобы начать войну бедных против богатых, в то время как французские пролетарии вообще проявляют преданность и благорасположение к богатым промышленникам»²³. Как озабочен был Сен-Симон доказательством этого недоказуемого утверждения, красноречиво свидетельствует приводи-

¹⁸ F. E. Manuel. Op. cit., p. 254.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 456.

²⁰ В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. М.—Л., 1935, стр. 493.

²¹ Сен-Симон. Избранные сочинения, т. II, стр. 318 и сл.

²² Там же, т. I, стр. 322.

²³ Там же, т. II, стр. 324.

мый Ф. Мэньюэлем любопытнейший документ, к сожалению, не вошедший в собрания сочинений Сен-Симона, в том числе и в наше советское, столь образцовое во многих отношениях издание. Речь идет о хранящемся в Парижской национальной библиотеке обращении Сен-Симона «к французским рабочим», опубликованное им в 1821 г. под названием «Henry Saint-Simon à M. M. les ouvriers». Обращение это интересно прежде всего как свидетельство того, что Сен-Симон к концу жизни стремился получить поддержку рабочих для своих реформаторских планов, привлечь их на сторону «промышленной системы». В этом обращении Сен-Симон исходил из намерения сделать рабочих пропагандистами своих идей среди промышленников. С этой целью, обращаясь к рабочим, Сен-Симон набрасывал для них примерное содержание тех речей, с которыми им следует обратиться к их предпринимателям и заводским руководителям. Воображаемые «рабочие», которых наставлял Сен-Симон, должны были убеждать предпринимателей в том, как много можно было бы сделать во Франции для повышения общего благосостояния с первых же шагов осуществления «промышленной системы»: от мелиорации заболоченных земель, строительства дорог, мостов и каналов и до экономии на армии, знати и бюрократию сотен миллионов франков, которые были бы направлены в промышленность. Все это рассосет безработицу, в том числе большую скрытую безработицу в деревне, повысит заработную плату рабочим, повысит покупательную способность населения, расширит рынки для промышленности, а заодно увеличит и прибыль предпринимателей. Рабочие должны были подталкивать промышленников на борьбу за эту программу: «Вы богаты, а мы бедны; вы работаете головой, а мы своими руками. Из этих двух фактов вытекает фундаментальное различие между нами, так как мы являемся и должны быть вашими подчиненными»²⁴.

Вот что должны были, по Сен-Симону, заявить рабочие своим предпринимателям и на этом основании уполномочить последних выступать и говорить от имени рабочих, от имени 25 миллионов французов! Из всего текста этой наивной пропаганды обратим внимание на слова о «фундаментальном различии» между рабочими и предпринимателями. Это неожиданное в устах Сен-Симона признание выдавало внутренний разлад в его мыслях, связанный с его наблюдениями над реальной действительностью, разлад, который является ключом к объяснению сложной двойственной эволюции нашего мыслителя и его идей к концу жизни: одновременное поступательное развитие его реформаторских идей в социалистическом направлении и нарастание у него реакционных мистических идей, приведшее к формированию изве-

стного учения о «Новом христианстве». У этого поразительно противоречивого процесса был, однако, единый корень: чем более брало у Сен-Симона верх «пролетарское направление», тем яснее ощущалась им ненадежность упований на то, что промышленная буржуазия, руководствуясь требованиями научного прогресса и исходя из собственных интересов, осуществит задачу коренного преобразования общества во имя всеобщего благосостояния и с целью повышения жизненного уровня пролетариата. Ни философские взгляды на требования исторического прогресса, ни аргументы о неизбежном торжестве научного мировоззрения, ни доказательства единства интересов всех «индустриалов» не могли заглушить растущих у Сен-Симона опасений насчет возможности возобладания эгоистических классовых интересов, которые разрушат «промышленную систему». В этой тревоге, в этих сомнениях, питаемых упрямыми фактами капиталистической действительности, реальностью растущих классовых противоречий капитализма, и заключались побудительные мотивы построения «Нового христианства».

Религиозная концепция «Нового христианства» и его лозунг «Все люди — братья» отвечали, прежде всего, желанию гарантировать выполнение плана улучшения участи пролетариата, дополнив материальные стимулы «промышленной системы» моральным категорическим императивом, исходящим от самой властной над людьми силы — силы религиозного веления. Можно не сомневаться в том, что Сен-Симон находился здесь под влиянием исторического опыта как периода революции, так и периода буржуазной контрреволюции и дворянской реакции во Францию — опыта, который так наглядно засвидетельствовал тогдашнюю силу и стойкость религиозных идей и чувств в народе. Конечно, по мысли Сен-Симона, «Новое христианство» заодно призвано было загасить и классовую борьбу пролетариата. Но главная «внутренняя строящая мысль» этой религии, как любил выражаться А. И. Герцен, состояла в том, чтобы возложить на все общество, и на буржуазию в особенности, моральный долг по отношению к беднейшему и самому многочисленному классу общества, о чем сам Сен-Симон говорил с необычайной для него четкостью и ясностью в свой предсмертный час.

Таким образом, даже реакционные стороны учения Сен-Симона оттеняли тот бесспорный, на наш взгляд, вывод, что в своем глубинном течении мысли Сен-Симона направлялись к социалистической цели — к необходимости уничтожить эксплуатацию пролетариата. Поэтому представлять Сен-Симона апологетом капитализма, а тем более глашатаем реакционнейших форм изощренной эксплуатации трудящихся масс кастой плутократов, невозможно, не искажая коренным образом содержания и сущности его идей. Этой сущности были куда более верны ученики Сен-Симона, когда они сделали вполне социалистические выводы,

²⁴ F. E. Manuel. Op. cit., p. 255—256.

устранив наиболее кричащее противоречие «промышленной системы» Сен-Симона — сохранение в ней частной собственности на средства производства. Делая этот важнейший шаг, ученики руководствовались логикой самого учения Сен-Симона, который всегда провозглашал единственным и высшим принципом производства не прибыльность его для собственников, а продуктивность его на благо людей и ставил везде на первое место интересы трудящегося большинства народа.

Конечно, не потому имя Сен-Симона стоит на московском обелиске, что советские люди видят в нем «отца коммунистической революции». Соответствующий декрет со списком имен мыслителей и общественных деятелей, коим Советская Республика должна соорудить памятники, был подписан В. И. Лениным. Но именно В. И. Ленин неоднократно высмеивал реформистские потуги отождествить «гениальные догадки» Сен-Симона с идеями научного социализма. Об этом следует напомнить и с особой силой подчеркнуть, так как и в наши дни не прекращаются ухищрения буржуазных и ревизионистских фальсификаторов марксизма, стремящихся отождествить реформистские слабости, идеалистические заблуждения и утопические иллюзии Сен-Симона с революционной теорией научного коммунизма.

Нет нужды сейчас повторять все доводы разоблачительной критики марксистов-ленинцев по адресу подобных фальсификаций. Свыше четверти века назад, на Варшавском международном историческом конгрессе 1933 г. В. П. Волгин показал в своем глубоком докладе истинное место сен-симонистских идей в истории подготовки научного социализма, и здесь трудно что-либо добавить. Мы чтим Сен-Симона как одного из предшественников того великого переворота в социализме и в науке об обществе, который совершили Маркс и Энгельс. Как для них, так и для нас Сен-Симон остается великим социалистом-утопистом, чьи идеи содержали лишь некоторые источники этого революционного переворота, совершить который Сен-Симон по понятным историческим причинам не был в состоянии.

Но в развитии научных представлений об обществе идеалистическая концепция Сен-Симона сыграла особую роль: она в конечном счете нанесла сильнейший удар по самому идеалистическому мировоззрению. Историческая наука к XIX в. оставалась наиболее важным компонентом этого мировоззрения, и тот мыслитель, который направлял историографию по пути к науке, лишил это мировоззрение самого жизненного компонента. В этом смысле заслуги Сен-Симона в подготовке будущего торжества научного материалистического воззрения на общество и на исторический процесс весьма велики. Но сам Сен-Симон не создал этой науки. Его учение содержало лишь подготовительные элементы ее, которые должны были быть взяты в совсем иную связь, чтобы стать научными. Без революционно-критической перера-

ботки исторической концепции Сен-Симона было бы невозможно создание теории исторического материализма, точнее сказать, создание ее было бы во всяком случае сильно затруднено и заторможено. И если верно, что идеи могут быть побеждены только лучшими идеями, то учение великого утописта могло быть превзойдено и «снято» в диалектическом смысле этого понятия лишь научным коммунизмом Маркса и Энгельса.

Многочисленный хор других фальсификаторов славит Сен-Симона как пророка и провидца «организованного капитализма», «народного капитализма», словом, государственно-монополистического капитализма нашего времени. С легкой и грязной руки пресловутого Джемса Бернхэйма имя Сен-Симона связывается ныне с теориями о «революции управляющих», о «дирижистском обществе», приукрашивающими современный загнивающий монополистический капитализм. Можно сказать, что без имени Сен-Симона не обходится сейчас ни один буржуазный трактат, ни одна «теоретическая» возня вокруг этой темы. Редко когда прозвучит сколько-нибудь честный голос протеста против такого чудовищного искажения идей великого утописта. Поэтому не мешает привести в виде исключения мнение французского историка Альбера Паскье, автора статьи «Сен-Симон и проблемы нынешнего времени», опубликованной еще в 1948 г.²⁵ Паскье поставил любопытный вопрос: как оценил бы Сен-Симон сегодняшний капитализм и современный «советский социализм», как выражается автор? Паскье достаточно хорошо знает Сен-Симона, чтобы ответить на первый вопрос не апологетически. Он справедливо полагает, что Сен-Симон без колебаний отмежевался бы от современного капитализма, так как не нашел бы в нем ничего похожего на свою «промышленную систему».

Паскье приводит следующие аргументы, которые определили бы ответ Сен-Симона.

1. У власти по-прежнему стоят законники-«легисты» и совершенно некомпетентные политиканы со всеми пороками их формального парламентаризма.

2. Экономика общества осталась хаотической, неорганизованной и ее высший принцип по-прежнему — прибыль отдельных лиц, а не благо общества. Этот же принцип, сказал бы Сен-Симон, лежит в основе монополий и государственного капитализма: здесь и не пахнет заботой о благе наибольшего числа людей. Поэтому, замечает Паскье, «с точки зрения Сен-Симона современный капитализм еще менее логичен, чем его предшественник в начале XIX века».

²⁵ Albert Pasquier. Saint-Simon et les problèmes du temps présent. «Revue d'histoire économique et sociale», 1948, № 1.